

ГАЛИНА МИРОСЛАВОВНА СЮТА

Украина, Киев

**ЦИТИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
УКРАИНСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

ABSTRACT:

Quotation in a contemporary Ukrainian poetic text: linguocognitive aspect

The article deals with the relevance of the quote as the key concept of the theory of intertextuality and modern interpretative stylistics. The expansion and contemporization of the linguistic meaning of the term *quote* have been illustrated. Linguopoetic, linguocognitive, axiological parameters of the use of quotes in contemporary Ukrainian poetic language have been considered.

KEY WORDS:

Quote – quotation – precedent text – metatext – borrowing – impact – correlation of cultural experience of the author and the reader.

Концептуально новый этап развития лингвостилистики в последней трети XX века связан с ее активной переориентацией на изучение внутренних закономерностей построения и функционирования художественного текста и соответствующим смещением исследовательских интересов в сферу познания многомерных отношений между феноменами вербальной и невербальной культуры. На основе теории диалогичности М. Бахтина [Бахтин 1972; Бахтин, 1975] были сформированы интерпретативные парадигмы, методики анализа текста и его единиц с точки зрения культурного диалога. Доминирующей среди них стала теория интертекстуальности, открывшая перспективы видения «поэтической традиции и феномена выдающихся произведений, к которым

обращаются авторы в зависимости от времени, идеологических установок и эстетических вкусов, литературных школ, к которым они принадлежат» [Кузьмина 2004: 117]. Это, в свою очередь, обусловило необходимость четкого определения и описания новых (*интертекстема*, *прецедема*), а также современной трактовки традиционных (*цитата*, *реминисценция*, *аллюзия*) понятий, номинирующих и систематизирующих типы вербализации межтекстовых отношений.

Традиционные методики изучения цитат как единиц лексико-семантической системы поэтического языка и поэтического словаря ориентированы на методологически суженное, когнитивно одномерное понимание цитаты – *дословная выдержка из какого-либо текста, точное воспроизведение «чужого» высказывания* [Баранник 2007: 816]. Современная трактовка существенно расширяет это понимание, подчеркивая способность цитат выстраивать широкие (вертикально-горизонтальные) и в большинстве своем непредсказуемые (реализуемые по принципу ризомы) отношения конкретного прецедентного текста с семиотическим универсумом вербальной и невербальной культуры. В такой глобально-интертекстуальной интерпретации цитатой является не столько заимствование непосредственно текстового фрагмента, сколько актуализация функционально-стилистического кода, представляющего определенный способ речемышления или стилистическую, культурно-эстетическую, жанровую традицию (А. Шнитке, Ю. Лотман, Н. Арутюнова, М. Можейко, Н. Фатеева, Н. Кузьмина, Е. Козицкая, Н. Семенова, Т. Смирнова) и вербализирующего многомерность связей авторского речемышления с национальной и мировой языково-культурной традицией. Для украинской лингвостилистики (прежде всего – рецептивной и интерпретативной стилистики художественного текста) методологически значимым стало акцентирование новых эпистемологических статусов цитаты как единицы, которая «а) свидетельствует о существовании исторически сформированных связей языка художественной литературы и украинского литературного языка, б) фиксирует преемственность лингвокультурных традиций в украинском поэтическом тексте и обуславливает культурно-историческую полифонизацию поэзии, в) аккумулирует, сохраняет и ретранслирует интеллектуальное содержание прецедентных текстов и универсализируется как носитель культурных знаний, квант поэтической памяти» [Сюта 2018: 1].

Указанные эпистемологические статусы цитаты необходимо учитывать при создании интегративной лингвокультурологической модели описания феномена цитирования и современных исследовательских

методик лингвистического анализа цитат, употребляемых в текстах разных жанров и стилей. В языке современной украинской поэзии они разнообразны и с точки зрения способа текстовой реактуализации, и с точки зрения функционально-текстообразующей нагрузки. Различной является также степень сохранения / трансформации в метатексте прецедентной лексико-семантической структуры. Из этого следует, что типологизация цитат, функционирующих в поэтической речи, зависит от критериев систематизации. Таковыми являются: 1) тип и способ контекстной эксплицированности (цитата явная или скрытая, ее сопровождают или не сопровождают метаоператоры цитатности), 2) формат воспроизведения (цитата точная или неточная с последующей углубленной стратификацией, учитывающей способы трансформации цитаты и ее «вхождения» в метатекст); 3) позиция в тексте (эпитекстовая, метатекстовая), 4) структурно-языковой уровень актуализации (фоностилистический, словообразовательный, лексический, ритмико-синтаксический), 5) прецедентный источник, 6) контекстная функциональная нагрузка [Сюта 2017: 109].

Лингвокогнитивную основу теории цитатности составляют тезисы о механизмах образования и реактуализации цитат, а также о природе цитирования с точки зрения заимствования и влияния как различных форм наслоения на сознание того или иного автора текстов предыдущей и современной ему культуры.

С точки зрения когнитологии цитирование – это креативная аналитико-синтетическая деятельность субъекта по обработке текстовой информации [Кузьмина 2004: 110], в процессе которой осуществляется «сначала “квантование” поэтической материи до “мельчайших делений слов”, получающих статус определенных “поэтических признаков”, а затем скрепление этих “делений-признаков” специфической композиционной техникой, отражающей концепцию строения мира у данного автора» [Фатеева 2011: 46]. Такая трактовка фактически является теоретическим дериватом базового постулата феноменологической деконструкции, в соответствии с которым при прочтении текста происходит выделение наиболее репрезентативных его фрагментов, которые впоследствии воспроизводятся в текстовом и – более глобально – семиотическом пространстве культуры как цитата. Следовательно, образование и функционирование цитат – это результат когнитивной деятельности человека в двух направлениях – деконструирования (сначала читатель «анализирует прототекст, выделяя те его элементы, которые считает наиболее репрезентативными» [Кузьмина 2004: 110]) и последующего синтеза («конструирование в противовес деконструкции» [Кузьмина

2004: 110], когда употребление цитаты в других контекстных условиях влечет за собой рождение нового текста как эстетической реальности). Важно, что при этом реализуются интеллектуально-множительные механизмы поэтического текста и его единиц, в данном случае – наращивание и углубление семантической памяти цитаты, когда каждое последующее употребление является деривационным шагом в ее содержательно-аксиологическом развитии.

Креативно-деривационные механизмы образования и воспроизведения цитат в текстологии, стилистике текста, культурологии, теории эстетики имеют различные определения: *семантическое свертывание / развертывание* (Л. Мурзин, А. Штерн), *энграммирование* (М. Рубакин), *семантическая компрессия / декомпрессия* (Н. Кузьмина). Экстраполированные на эвристические потребности теории диалогичности – интертекстуальности, они делают более четким понимание того, что цитация является процессом, а цитата – результатом лингвоментального сгущения прецедентного текста. Использование, коммуникативно-эстетическое развертывание этого сгустка в новых авторских текстах связано с филиацией (продолжением, подтверждением) или качественным преобразованием (переосмыслением, обновлением, отрицанием) скомпрессированной в цитате прецедентной информации. Особенно если речь идет о ее цепочно-веерной, многочисленной реактуализации в творчестве авторов, принадлежащих к разным культурно-временным эпохам и эстетическим платформам. Показательно в этом смысле текстовое развитие библейских цитат в поэзии классика украинской литературы, основоположника современного украинского литературного языка Т. Г. Шевченко, которые впоследствии были реинтерпретированы в произведениях авторов XX века. Среди наиболее известных, входящих в цитатный тезаурус украинцев всех поколений, – *радуйся, ниво неполитая; все упованіє моє на тебе, о пресвітлий раю; сини сонця правди*. В украинском поэтическом языке эти изречения закрепились именно благодаря языкотворчеству Т. Шевченко. Например, начальные строки его стихотворения «Исаія. Глава 35» *Радуйся, ниво неполитая! / Радуйся, земле не повитая / Квітчастим злаком! / Розпустись, / Рожевим крином процвіти! / І процвітеш, позеленієш...* и по смыслу, и в ключевых лексемах апеллируют к фрагменту Книги пророка Исаии «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс» [Библия 1989: 1050] (эту генетическую связь подчеркивает также название произведения). Поэтическая реинтерпретация Т. Шевченко с некоторыми лексико-грамматическими и семантико-аксиологическими изменениями воспроиз-

ведена в стихотворении А. Малышко «Нива»: **Радуйся, ниво моя, не полита/ Стронцієм білим і жар-сльозою./ Радуйся, ниво моя, не покрита/ Чорною атомною грозою** («Нива»). Даже в формате текстовой аппликации (без графического выделения кавычками и атрибутирования) эта цитата сохраняет связь с прецедентными текстами Библии и Т. Шевченко.

Природу цитаты как когнитивного сгустка прецедентного текста и в то же время ее открытость к компонентному расширению, к активным структурным трансформациям, семантической деривации и аксиологическим переакцентированиям иллюстрируют цитатные апелляции к другим ядерным текстам украинской литературы. Среди наиболее показательных – усваиваемое в пределах школьного изучения «Слова о полку Игореве» выражение *див кличе над деревами*, ср.: *До дна Каялу виляято далеку,/ Та Див вже знову у верхах дерев* (О. Ольжич); *Хіба їй можна одцвісти,/ Коли зоря горить рожева,/ Коли шумлять-дзвенять світи/ Від рику раненого лева,/ Лисиці брешуть на щити/ І кличе Див поверху древа* (М. Рыльский); *Не кличеть верху древа дивний Див./ В шоломах гір, як вої-невмираки,/ Карпати скамяніли в віщі знаки,/ Найживши смереки хижих грив* (Е. Маланюк).

Проиллюстрированное разнообразие форматов воспроизведения связано, в частности, с субъективным характером рецепции прецедентного высказывания. Последующее его интертекстуальное развитие зависит от особенностей интеллектуально-эстетического опыта и языково-культурного сознания читателя. Они определяют специфику ментальной обработки прецедентного текста, которая «при цитации носит характер интерпретации: выражение, ставшее объектом интерпретации, обязательно подвергается реконструкции в соответствии с индивидуальной когнитивной системой субъекта и временем» [Кузьмина 2004: 112].

Ризомность (непредсказуемость) структурного и семантического развития цитаты в зависимости от индивидуальной когнитивной системы цитирующего автора и времени интерпретации можно проследить на примере диалогически-интертекстуальной деривации известной строки Т. Шевченко *я на сторожі коло їх поставлю слово*. В современной украинской поэзии это высказывание реинтерпретировано в самых разнообразных форматах. Наиболее показательными являются:

- редукция до эпитетного словосочетания *рабів німих, отих рабів німих* (с сохранением первичной грамматической формы): *Адже умів лиш він один/ Рабів німих так захищати* (Д. Билоус); *Зачастих голодом і страхом,/ отих рабів німих,/ сповитих у криваві*

стяги,/ в брехню немилосердних книг,/ чужою хрещених війною,/ та ще — до всіх глобальних лих — / печаттю атома страшною/ відмічених — помилуй їх! (И. Жиленко); Бодай принаймні відсвітом косим/ Упало б щастячко на сліпоту і неміч/ **Отих рабів німих** (Н. Винграновский);

- лексико-грамматические трансформации: сади зростив би людям не в закові/ І серце, повне ласки і любові,/ **Поставив на сторожі біля них** (А. Малышко); А де ж те **слово**, що його Тарас/ коло людей поставив **на сторожі?!** (Л. Костенко); Те **слово** стало **на сторожі/ Рабів** – не кривдників своїх (И. Гнатюк);
- актуализация в роли конструкторов антитекста, текста-дискуссии: **Я на сторожі коло них нічо' не ставлю** (Н. Федорак); **І на сторожі** порожнеч червоні ріки/ **Возвеличу** хіба що меч, та й то навіки (Н. Федорак).

Системность и способы цитирования классической литературы в современной украинской поэзии непредсказуемы и в то же время частично предсказуемы. Предсказуемы – потому что наиболее активно реинтерпретированными являются фрагменты ядерных текстов этнокультуры. Прежде всего это цитаты из стихотворений Т. Шевченко (*рече ревучий; лани широкополі; в сім'ї вольній, новій; незлим тихим словом; і мертві, і живі, і ненародженні; великих слов велика сила; і чужому научайтесь, й свого не цурайтесь; якби ви вчилися так, як треба, то й мудрість би була своя*), И. Франко (*голос духа чути скрізь; я син народу, що вгору йде; дух, що тіло рве до бою; гримить – благодатна пора наступає; чого являєшся мені у сні*) и др. Например: **Рече Дніпро, й лани широкополі/ Медами пахнуть, колосом шумлять** (А. Малышко); **Стояла черга, київська, двомовна./ Стояли за останнім дефіцитом,/ за тим однісіньким/ «незлим і тихим словом»,/ якого світ пройдеши і не знайдеш** (И. Жиленко); **я стою при цьому світлі,/ Не можу істини збагнути:/ Та ж він просив у «Заповіті»/ Незлим і тихим пом'януть** (А. Чубач); **В яких лісах іще ви забарложені? Що яничари ще занастять? І мертві, і живі, і ненароджені нікого з вас довіку не простять** (Л. Костенко); **Ти й сам хотів би бути в жертві,/ Дволику приховавши суть,/ Та вже встають живі і мертві,/ І ненароджені встають** (Д. Павлычко); **Я родом тих, що лупають скелю кам'яну./ З моїм народом і з твоїм народом/ Я буду руйнувати ту стіну** (Д. Павлычко).

Непредсказуемость реактуализации цитат связана главным образом с тем, что в индивидуально-авторских когнитивных системах даже наиболее традиционные фрагменты классических текстов часто при-

обретають совершенно новое смысловое и аксиологическое звучание, которое обусловлено спецификой социокультурной ситуации. Например, в поэме Ю. Тарнавского «У РА НА», которая посвящена проблеме черновыльської трагедії, цитати Т. Шевченка використані для етномаркированої оцінки фрагментів національного минулого і сучасності. Сравни.: **Стоїть/ в місті Чорнобилі/ саркофаг/ (домовина)/ України; в залізобетоннім садку/ гудуть/ важкі хрущі/ атомів; качата/ (не хлюпочуться між осокою)/ з двома головами/ подвійними очима дивляться на світ/ (на північ)**. Культурна пам'ять поетонимів сад, хрущі, виражений *стоїть в місті Чорнобилі, качата не хлюпочуться між осокою* прозоро апеллює до стихотворенням «Стоїть в селі Суботіві», «Садок вишневий коло хати», «Тече вода з-під явора», навіть незважаючи на підкреслено негативну аксиологію метатекстів.

Осмысление лінгвокогнітивної специфіки цитатності безпосередньо пов'язано з питаннями *заїмствования / впливня*, їх диференціацією як принципіально різних форм «лінгвоментального наслоєння» на новий авторський текст (метатекст) прецедентних текстів, а також з проблемою мотивованості, обґрунтованості неограниченого використання «чужого» слова теоретическими установками течення, школи, напрямлення і т. п., представителем котрих являється цитуєючий автор.

Зантересованність питаннями *заїмствования / впливня* спостерігаємо в роботах українських дослідників ще в кінці ХІХ – в началі ХХ в. (А. Колесса, І. Франко). Наприклад, розмірковуючи про вплив А. Міцкевича на ідиопозетику Т. Шевченка в статті «Шевченко і Міцкевич», А. Колесса відзначає: «Не єсть се доказом великої самостійності якогось поета, коли в його творах не добачуємо ніяких слідів знаної йому літератури, так, як із другого боку, існування таких слідів не свідчить про велику залежність даного автора. Часто буває якраз навпаки» [Колесса 1894: ХХІІІ]. Созвучні питання «перекрестних впливня» актуальні також для російської філології початку ХХ в.: «Любой поэт в росте своем определим рядом перекрестных влияний. [...] Эти влияния, соединяясь в новое единство, определяют исходную точку развития любого творчества, как бы оно ни было самостоятельно» [Белый 1911: 458].

Сьогодні, спустя століття, проблема чіткого розмежування *заїмствования / впливня* все так же остаточно не вирішена, оскільки «во багатьох випадках визначити, що це – заїмствование або впливня – важко або неможливо» [Кузьміна 2004: 124]. Часто дослідники встановлюють різноуровневі (фоностилістическі, словообразова-

тельные, лексические, ритмико-синтаксические) текстовые повторы и ментально-вербальные соприкосновения, атрибутировать которые или же четко констатировать «авторское первенство» которых очень сложно. Такую особенность демонстрируют фиксируемые в идиостиллях украинских поэтов-шестидесятников точные немаркированные (интегрированные в метатекст без кавычек) и неатрибутированные цитаты: *Як добре те, що смерті не боюся...* (В. Стус) // *Добре терпляча дорога моя/ Що смерті не боюсь я/ І що ти про смерть/ Не думаєш/ Ми/ Летимо* (Н. Винграновский); *Душа наїлась, напилася/ І... рохкає. І в лад, І в тон./ І з апетитом* (И. Свитлычный) // *Душа наїлася та бреше./ А бреше як!/ Не доведи!* (Н. Винграновский).

Включение неатрибутированных цитат в метатекст как следствие заимствования / влияния, преднамеренного / непреднамеренного использования «чужого» слова актуализирует проблему *творческого плагиата*. Она, в свою очередь, непосредственно коррелирует с вопросами *мотивированности, оправданности использования «чужого» слова в качестве «своего»* теоретическими установками течения, школы, направления и т. п., представителем которых является цитирующий автор. Г. Грабович по этому поводу справедливо отмечает: «исследователи знают, что Шекспир произвольно использовал сюжеты из английских хроник Голиншеда и “Жизни” Плутарха, из Чосера и Бокаччо, иногда переделывал специфические пассажи, например, из Монтеня, но разве что эксцентрики видят в этом основание для обвинений в плагиате» [Грабович 2004]. Известно также, что эстетической нормой романтизма было прямое заимствование сюжетов, образных структур, типов построения текста (а, согласно современной теории, это разновидности цитат).

Кардинальные изменения в культуре поэтического текстообразования, произошедшие в конце XX – начале XXI вв., детерминировали современное понимание этики употребления графически не маркированных, не авторизированных «чужих» слов. Качественно новый характер доминирующей в этот период постмодерной художественной практики связан, в частности, с тем, что она «не столько создает новые тексты, сколько сосредоточена на ностальгическом переживании текстовых ценностей предыдущих эпох, на осмыслении и компиляции текстов других культур» [Слышкин 2000: 5]. Вследствие этого современная поэзия изобилует различными по степени эксплицированности и формату адаптации фрагментами «чужих» текстов, воспроизводимых без упоминания имени автора и кавычек. Это явление в постструктуралистских концепциях квалифицируют как *цитатную литературу*

и связывают с когнитивными механизмами *сознательной диалогической реакции на творчество предшественников*.

Следует подчеркнуть, что цитатное мышление и текстообразование никоим образом креативно не созвучны со спекулятивной позицией сторонников плагиата, которые за использованием «чужих» текстов маскируют собственное творческое бессилие. Психоментальная основа цитатности – это стремление автора обогатить, полифонизировать «свой» текст «чужими» образно-ассоциативными кодами, обязательно сохранив их лингвоэстетическую автономность и узнаваемость.

Порождение нового текста, полифонизированного за счет креативного синтеза «своих» и «чужих» слов, убедительно демонстрирует так называемая «центонная», «палимпсестная» поэзия: *один за руки,/ другий за ноги,/ і хвиць на купу,/ «Всіх українців/ до 'дної ями,/ дітей/ за батьками!»/ Ага, Павлику-Равлику,/ виставив роги/ на стоги трупів,/ перевіщуєшся [...] / до найсильнішого народу* (Ю. Тарнавський); *В людині все має бути прекрасним:/ Думки й почуття,/ Пальто і сорочка,/ Шкарпетки, підтяжки,/ Зачіска, брови, вії,/ Губи і зуби,/ Ротова порожнина, слизова оболонка,/ [...] / Усмішка її єдина,/ Очі її одні* (О. Ирванець); *Множиться зоря у твердих снігах у дзеркальних мурах/ І з дороги збилися Триє царі у маскхалатах/ Ясна пані клубок розмотує вузлики тихо зав'язує/ Стомлений тесля дримає/ При щербатій сокирі/ Око ліхтарика/ Вихоплює з темряви велетенські ясла/ Обігрілося немовля/ Під боком у мінотавра* (І. Римарук); *Але печаль сідає на поля./ Нужда голімі розправляє крила,/ докіль поет тривожно промовля:/ я є народ, якого правди сила,/ цю жінку я люблю, вона просила* (С. Жадан); *Сніг на вулиці Коперника – / мокрий попіл вищих сфер/ (або сльози характерника,/ що живе і ще не вмер)./ Сніг тече холодним полум'ям,/ тліють кораблі людей,/ і розходиться півколами/ дім без вікон і дверей* (Н. Федорак). Показательна в цьому смислі поезика авангарда, а особливо постмодернізму, в яких «граница между аутентичним или оригинальным и копией или повтором постоянно стирается. В силовом поле игрового видения мира и того мегагипер-текста, которым являются язык и культура, все словно смешивается, и понятия аутентичности и оригинальности [...] воспринимаются как “эссенциалистская” иллюзия» [Грабович 2004]. Именно поэтому одним из определяющих принципов постмодерного текстообразования является коллажность, часто сопровождаемая средствами иронии и языковой игры.

Ради об'єктивності следует отметить, что коллажирование разножанровых и разновременных цитат наблюдаем также в речетворчестве представителей «классической поэтической парадигмы»: *За серцем нашим живлені заводи,/ За пісню й книгу, як за сонця світ,/ За ясні зорі і за тихі води – / на прою ми стали* проти царства тьми (М. Рыльский); *Юдоль плачу, земля моя, планета,/ блакитна зірка в часу на плаву,/ мій білий світ, міцні твої тенета, – страждаю, мучусь, гину, а живу* (Л. Костенко); *«Ой, біда тій чаєчці, чаєчці-небозі,/ що вивела чаєняток при битій дорозі...»/ Ой, вивела чаєняток, щоб літали вічно,/ бо нема де сісти, бо нема де стати./ В чужім краї, в чужім домі при свічі кигичу./ Ніде жити, гнізда вити./ Є де поховать. [...]. У зашморгу забилаь Україна./ Не виведе новітній нас Мойсей/ на інші ясні зорі й тихі води./ Убили землю неземної вроди,/ наш дім, наш хліб і славу, наше все!* (И. Жиленко).

Феномен цитаты в ракурсе заимствования / влияния, сознательного / подсознательного использования «чужого» слова актуализирует вопрос о соотносимости, соизмеримости индивидуальных когнитивных систем автора и читателя как субъектов художественной коммуникации. Типология коммуникативно-прагматических ситуаций, разработанная в рамках теории цитатности для наиболее общего представления этой соизмеримости, акцентирует следующие основные позиции: 1) цитата для автора – цитата для читателя; 2) цитата для автора – не цитата для читателя; 3) не цитата для автора – цитата для читателя [Кузьмина 2004: 125–127].

Коммуникативно-прагматическая ситуация «цитата для автора – цитата для читателя» выявляет полную соизмеримость интеллектуально-эстетического опыта автора и читателя, благодаря которой читатель декодирует язык текста, оперируя одинаковыми с автором рецептивными кодами восприятия, понимания и вербализации действительности. Эта ситуация – оптимальная с точки зрения узнавания и полноценного прочтения цитаты еще и потому, что ее включение в метатекст осуществляется при сохранении идентификационных признаков «чужого» слова. Употребление автором цитаты – сознательное, ее статус «заимствованного» и интегрированного элемента подтверждают различные метаоператоры – графические, эпитекстовые, лексико-синтаксические: *Яке ж залізне серце муку стерпить:/ Отут, в недужих мріях уявлять,/ Як «в кінці греблі шумлять верби»* (Е. Маланюк); *А за кого мені розпинатись, о Боже великий?/ У подертому неводі мому -- саме жабуриння й намул!/ О лишіть мене всі! Я НЕ*

ЗНАЮ СЬОГО ЧОЛОВІКА!/ Я нікому не винен (О. Забужко); *Квітне вишня-подолянка./ Тітоньки у вишиванках./ Я між ними вичитую:/ «Зоре моя вечірняя...»* (П. Перебийніс, «**Кобзарева зоря**»); *Конем татарським рветься вітер – / Схопитись гриви! Стиснуть спис! / ..А жито копитами збито/ У чистім полі, як колісь* (Е. Маланюк, «**Ой у полі жито копитами збито**»); *Тільки сльози на білих трупах,/ тільки кроки чужі вночі./ Я не вірю в цей божий рупор, – / **вірю в Ангела/ на твоїм плечі!***.. (Н. Федорак, заголовок «**Вірю в ангела**», епіграфы *I believe in Angel* – АВВА, *Із янголом на плечі* – И. Малкович); *А далі ж як той піший-пішаниця?/ [...] / Та як, ішов. Як сказано у думі:/ «І побило його в полі три недолі,/ Одно – безвіддя,/ Друге – безхліб'я,/ Третє – бездоріжжя»* (Л. Костенко); *Дожив. До себе відчуваю жалість./ «В останній тузі», як ска- зав Катулл* (Л. Костенко).

Коммуникативно-прагматическая ситуация «цитата для автора – не цитата для читателя» обнаруживает асимметричность культурного опыта автора и читателя (с преобладанием первого) и рецептивно «опасна» тем, что текст может не быть адекватно декодирован. Актуальные разновидности таких цитат – библейские, интермедийные, идеологические. Причина их непрочитаемости – социокультурная: ненадлежащее владение прецедентными текстами Священного Писания, кинематографа, живописи и т. п., ментальное отчуждение от социокультурных и социополитических условий, с которыми связан прецедентный текст и генетически принадлежащая ему цитата. Например, библейские сентенции часто воспринимаются как сакрально маркированные, но не соотносятся с конкретными фрагментами Библии: *Відсій кукіль і відбери зерно,/ Посій його й не жди, як зійде ряснотою,/ А прагненням своїм і працею крутою/ доглянь і перевір, яке на зріст воно* (А. Малышко); *Бо що із пороху повстало,/ те в порох перейде./ Хто знає, чи душа людини/ злітає до небес* (Д. Загуд); *Призиваю поміч Господню/ На убоге мое ремесло – / Ось безодня кличе безодню/ І зло породжає зло* (Е. Маланюк); *Де не оставсь на каменю ні камінь,/ Де зрівнялись гори,/ Знов мулярі нову тюрму будують/ Збрил квітчастих* (Б.-И. Антоныч); *Може він хотів усім серцем і помислами/ **полюбити ближнього як самого себе/ навіть забути себе*** (Е. Сверстюк).

Также культурный или жизненный опыт писателя может быть вербализирован в формулах, которые для его времени, для его поколения или микросоциума были актуальными, привычными единицами представления определенных фрагментов знания. Однако через некоторое время читатель, принадлежащий к другому временному и социальному

страту, уже не воспринимает и не декодирует первичных смыслов. Это наблюдаем прежде всего в отношении текстов общественно-политического, идеологического звучания. Например, украинские читатели возрастной категории «30–», родившиеся в эпоху независимой Украины, не воспринимают поэтического обыгрывания известного советского плакатного лозунга в стихотворениях И. Жиленко: *Ось парк. Спинімо фаєтон./ Тут зупиняє плин свій Лета./ Плакат, націлившись перстом./ пита: “А ти пішов в поєти?”; Пані вперто варить вірші./ хіхоньками заправля./ В перса цілить перст плакатний – / крізь вікно (бодай усох!):/ “Ти пішла у депутати?”/ “Записалася в УНСО?”.* / *Й Богу дякувати – поки/ не вціляє в перса перст.*

Несоизмеримостью культурного опыта автора и читателя может быть обусловлена непрочитываемость интермедиальных цитат, усвоенных из текстов театра, кино, музыки, архитектуры и т. п. Например, без знания истории о французском живописце Верне и его поиске вдохновения через экстремальное переживание эмоций герметичным для читателя остается фрагмент поэзии Л. Костенко: *Є на світі багато історій,/ а прохання у мене одне:/ «Коли буде гроза на морі,/ прив'яжіть до щогли мене!».*

Коммуникативная ситуация «не цитата для автора – цитата для читателя» – показательный с точки зрения когнитологии случай, когда читатель замечает цитатные сходства (версификационные, лексические, ритмико-синтаксические и другие совпадения), которые для самого автора не ощутимы, поскольку полностью интегрированы в его креативное сознание и воспринимаются как «свои» единицы речемышления. Их употребление связано с «действием творческой памяти» (В. Жирмунский), с феноменом «перечитывания» (Г. Блум). В этом случае речь может идти и об узнаваемых авторских образах (например, окказиональные эпитеты Т. Шевченко *широкополий, неокраєний*, П. Тычины *аркодужний*, которые были эстетически восприняты и усвоены речевой практикой), и о наследовании ритмико-синтаксических структур, и о семантических цитатах, которые в традиционных лингвостилистических терминах квалифицируются как *реминисценции* и *аллюзии*. Такие совпадения с поэтикой Т. Шевченко присутствуют в произведениях П. Тычины, А. Малышко, М. Рыльского, и при этом не всегда современный читатель идентифицирует их как знаки шевченковского стиля. Также авторы, в когнитивную систему которых эти единицы ассимилированы как «свои», могут не чувствовать, не осознавать их цитатности.

Таким образом, для рецепции цитаты определяющими являются когнитивно-личностные факторы и прежде всего – степень соотноси-

мости, соизмеримости индивидуальных когнитивных систем и лингвокультурного опыта автора и читателя с особым акцентом на уровне интертекстуальной компетенции последнего, поскольку диалогическая реализация цитаты в большей степени зависит именно от читателя, от его способности узнать и декодировать цитатный знак независимо от формата его реактуализации. Именно «читатель сводит в единое целое все штрихи, образующие текст» [Барт 1989: 19].

Сегодня цитата – одно из ключевых понятий интерпретативной и рецептивной стилистики текста. Ее изучение связано с теоретическим переосмыслением, углублением многих аспектов функционирования и интертекстуальной деривации языковых единиц как знаков, концептов прецедентного текста. Сам факт цитации в поэтической речи свидетельствует о включенности «чужого» лингвоинтеллектуального опыта в креативное сознание автора и, как следствие, о вхождении «чужого» слова в новый текст, обогащаемый ее культурной памятью. Интеграция цитаты в новый текст, так же, как и ее рецепция, происходит в определенных когнитивных условиях, прежде всего – при соизмеримости индивидуальных когнитивных систем автора и читателя.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1999): *Чужая речь: «свое» и «чужое»*. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры.
- БАРАННИК, Д. Х. (2007): *Цитата*. Українська мова: Енциклопедія [вид. 3-є, зі змінами і доповненнями]. Київ: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана.
- БАРТ, Р. (1989): *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва: Прогресс.
- БАХТИН, М. М. (1975): *Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Худ. литература.
- БАХТИН, М. М. (1972): *Проблемы поэтики Достоевского* [3-е изд.]. Москва: Худ. литература.
- БЕЛЫЙ, А. (1911): *Арабески*. Москва: Автограф.
- БИБЛИЯ. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. 4-е изд. Брюссель, 1989.
- ГАСПАРОВ, Б. (1996): *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- ГРАБОВИЧ, Г. (2004): *Плагіят і його контексти*. (25. 4. 2019) krytyka.kiev.ua/articles/s8_4_2004.html.
- КОЗИЦКАЯ, Е. А. (1999): *Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте*. Тверь: Тверской гос. ун-т.
- КОЛЕССА, О. (1894): *Шевченко і Міцкевич*. Львів.
- КУЗЬМИНА, Н. А. (2004): *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. [изд. 2-е, стереотипное]. Москва: УРСС.

- КУЗЬМИНА, Н. А. (2011): *Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации* [изд. 2-е, испр. и доп.]. Москва: Либроком.
- ЛОТМАН, Ю. М. (1972): «Чужое слово» в поэтическом тексте. In: *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Ленинград: Просвещение, 1971. с. 106–113.
- СЛЫШКИН, Г. (2000): *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*. Москва: Academia.
- СМИРНОВА, Т. А. (2005): *Типология и функции цитаты в художественном тексте (на материале романов А. Битова «Пушкинский дом», В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»)*. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Москва.
- СЮТА, Г. М. (2017): *Цитатний тезаурус української поетичної мови ХХ століття*. Київ: КММ.
- СЮТА, Г. М. (2018): *Цитата в українському поетичному тексті ХХ століття: джерела, прагматика, рецепція. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук*. Київ: Інститут української мови НАН України.
- ФАТЕЕВА, Н. А. (2011): *Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов*. Москва: Академия.

ПРОФИЛЬ АВТОРА:

Сюта Галина Мирославовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник.

Научные интересы: лингвокультурология, лингвистика текста, рецептивная стилистика, теория интертекстуальности, интермедальности.

Институт украинского языка НАН Украины.

ул. Грушевского, 4

Киев

Украина

<http://www1.nas.gov.ua/institutes/ium/Pages/default.aspx>

syutag@i.ua